

ДАТИРОВКА ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ ПСКОВА ЯКОВУ ГОЛУТИНОВИЧУ¹

Более 60 лет прошло с момента выхода в свет издания Грамот Великого Новгорода и Пскова (далее — ГВНП) под редакцией С. Н. Валка². Общеизвестно, что это одно из наиболее авторитетных изданий древнерусских актов. Тем не менее сегодня мы уже можем сказать, что не все датировки ГВНП одинаково убедительно обоснованы. Так, например, С. В. Белецким была поставлена под сомнение датировка грамоты ГВНП № 332 [Белецкий, 1994б, с. 54—55]. Настоящая статья посвящена уточнению датировки следующей по порядку грамоты из ГВНП — № 333 и анализу используемой в ней терминологии в свете новой датировки. Грамота была найдена А. К. Янсенем в списке конца XVII в., хранившемся в Псковском музее. К сожалению, во время Великой Отечественной войны список был утрачен, и издатели ГВНП воспроизвели грамоту по изданию А. К. Янсена³. Отсутствие подлинника вынуждает нас использовать для датировки исключительно сам текст грамоты. Приведем его в том виде, как его передали издатели ГВНП:

«1308—1312 г. — Жалованная грамота Пскова Якову Голутиновичу с братом и детьми на селище Пустух и рыбные ловли на Великом озере

А. Я., с. 136 (по копии из свитка Якиманского монастыря 1673 г., хранившегося в Псковском музее).

Основание датировки: упоминание посадника Бориса (ПСРЛ. IV. С. 308).

Се жалуюся Яков Голутинович с братом Прокопем и с детемъ за пот и кровь селищем Пустухом, да рыбные ловли за Великой рекою на Великом озере ны Ревиды Малой, да пожни и сены покосы. Се жалуюса селитва ставити да рыбу ловити неводом да мережи. А что селище за Ревиды Малой, туда Якову не ходити. То воля господина Великого Пскова у святой Троицы на вече. Послухи тому Борис посадник, да Петр збиручей, да Иван збручей»⁴.

Как видно из приведенного текста легенды, С. Н. Валк датировал грамоту 1308—1312 г. на основании того, что в ней упоминается посадник Борис. По всей видимости, издатель отождествил упоминаемого посадника с летописным Борисом, о котором в Псковской первой (далее — П1), Псковской второй (далее — П2) и Псковской третьей летописях идет речь в погодных статьях 1308, 1309 и 1312 г.⁵, повествующих о мощении торгова, строительстве стены, получившей в историографии наименование «стена посадника Бориса», или «стена 1309 г.», и, соответственно, смерти самого Бориса. Это вообще первый известный нам псковский посадник, за исключением Мирослава (1132 г.)⁶ Последний, отправленный посадником в Псков, если судить по летописи, совместным решением новгородцев, псковичей и ладожан, пробыл в Пскове недолго: уже через два года он был посадником в Новгороде⁷. Отсутствие других упоминаний посадников на большом хронологическом отрезке (1132—1308 г.) между Мирославом и Борисом, учитывая, что новгородские летописи упоминают посадников в Ладоге и Новом Торге, не позволяет нам говорить об укорененности института посадничества в Пскове в этот период. Таким образом, посадник Борис начала XIV в. предстает действительно первым псковским посадником. Именно

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда «Династия» и центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

³ Янсен А. К. Новооткрытые копии хартийных грамот в свитках XVII в. // Познай свой край. Сборник Псковского общества краеведения. Псков, 1929. Вып. IV. С. 136.

⁴ ГВНП. С. 318.

⁵ Псковские летописи (далее — ПЛ). Л., 1941. Вып. I. С. 14; Л., 1950. Вып. II. С. 22, 88.

⁶ ПСРЛ. Л.; М., 1950. Т. III. С. 23.

⁷ Там же.

с него Б. Б. Кафенгауз начинает свой список посадников Пскова [Кафенгауз, с. 38]. Учитывая, что статьи, связанные с посадником Борисом, — первые независимые известия псковских летописей, он всегда привлекал внимание исследователей. Такая известность посадника Бориса и предопределила, кажется, датировку интересующей нас грамоты в ГВНП.

Однако датировка грамоты началом XIV в. вызывает сомнения из-за используемых в ней терминов, характерных для более поздней эпохи — второй половины XV в. Рассмотрим, прежде всего, саму форму *Псков*, зафиксированную в ней. Давно отмечено, что в источниках параллельно используются две формы ойконима *Плесков* — *Псков* и, соответственно, этнохоронима *плесковичи* — *псковичи*. Если мы установим на широком материале временную закономерность в использовании этих форм, это поможет нам датировать грамоту.

Наибольший в количественном отношении материал дает нам псковское летописание. В составе Псковской первой летописи А. Н. Насонов выделял две редакции, соответствующие Тихановскому (далее — Тих.) и Архивскому 1-му (далее — Арх. 1) спискам, датирующимся XVII в. При этом они отражали, по мнению исследователя, древнейший реконструируемый свод псковских летописей — Свод 1469 г. Отметим разночтения между Тих. и Арх. 1 в выборе форм в известиях за первую половину XIV в. В Тих. на 52 случая использования форм *Псков* и *псковичи*⁸ приходится только одно упоминание *плесковичей*, в то время как Арх. 1 использует только *Плесков* и *плесковичи* до известий за 1342 г. Этот факт был отмечен А. Н. Насоновым, который считал, что Тих. воспроизводил более древний текст, чем Арх. 1, но составитель Тих. модернизировал текст в соответствии с фонетическими нормами XVII в. [Насонов, с. XLIII]. Псковская вторая летопись, дошедшая в единственном списке конца XV в., знает только формы *Псков* и *псковичи*. Строевский список Псковской третьей летописи демонстрирует нам промежуточную картину: в качестве ойконима используется *Псков*, а в качестве этнохоронима как *псковичи*, так и *плесковичи*⁹, встречающиеся, как и в случае П1, в известиях до середины XV в. Псковские летописи дошли в списках XVI—XVIII в. (за исключением единственного списка П2 — Синодального), а самый древний реконструируемый свод относится А. Н. Насоновым к 1469 г. Таким образом, основываясь только на материале псковского летописания, мы не можем сделать однозначного вывода о том, существовали ли в начале XIV в. формы *Псков* — *псковичи*. Однако наводит на определенные размышления тот факт, что большинство случаев употребления форм *Плесков* — *плесковичи* приходится именно на статьи за первую половину XIV в. Возможно, псковское летописание, появившееся, по мнению А. В. Валерова, в середине XIV столетия [Валеров, с. 25], но дошедшее до нас, как уже говорилось, в поздних списках, отразило некую закономерность. Посмотрим на употребление интересующих нас форм в тех списках русских летописей, которые датируются периодом, хронологически близким к началу XIV в.

В древнейших русских летописях мы находим только *Плесков* — *плесковичи*: в Лаврентьевской летописи за XIII в. — 2 раза¹⁰, в Ипатьевской летописи за XII в. (за XIII в. не упоминаются) — 7 раз¹¹, в Новгородской первой старшего извода (далее — Н1Ст) за XIII—XIV в. — 50 раз¹². При этом в приписках к Синодальному списку Н1Ст, сделанных разными подчерками (продолжение Синодального списка, по А. А. Гиппиусу), в погодной статье за 1350 г. три раза встречаются и формы *Псков* — *псковичи*¹³. В Новгородской первой летописи младшего извода (далее — Н1Мл) за XIV в. (за XIII в. упоминания Пскова совпадают с Н1Ст)

⁸ ПЛ. Вып. I. С. 11–12, 14–21.

⁹ См., например: ПЛ. Вып. II. С. 91, 97.

¹⁰ ПСРЛ. Л., 1927. Т. I. Вып. II. С. 430, 470.

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. С. 300, 301, 370, 496, 608 (известия за XII в., за XIII в. — нет).

¹² ПСРЛ. Т. III. С. 44, 65, 66, 71, 72, 74, 77–80, 85–87, 89, 94–98 (известия за XIII–XIV в.).

¹³ Там же. С. 100.

в статьях до 1343 г. упоминаются только *Плесков* и *плесковичи*, всего 33 раза¹⁴, без разночтений по разным спискам. Начиная со статьи 1343 г., появляются варианты *Псков* — *псковичи*, чередующиеся с *Плесков* — *плесковичи*.

Итак, самые древние списки русских летописей, датируемые XIV — началом XV в. (Лаврентьевская, Ипатьевская, Н1Ст), не знают форм *Псков* — *псковичи* (за исключением приписок к Н1Ст, которые были сделаны не ранее 1350 г.). Н1Мл, самый ранний список которой (Комиссионный) датируется 1441 г., использует формы *Псков* — *псковичи* только с середины XIV в., при том что доминирующими в количественном отношении все равно остаются формы *Плесков* — *плесковичи*. Вышесказанное дает нам возможность сделать вывод о том, что до первой половины XIV в. существовали только формы *Плесков* — *плесковичи*, а *Псков* — *псковичи* появляются не ранее второй половины XIV в., и при этом они не заменяют более древние формы, а некоторое время сосуществуют с ними.

Данный тезис подтверждается и наблюдениями над использованием форм в актовом материале. В тех грамотах, чья датировка XIV в. не вызывает сомнений (ГВНП. № 8, 332; Марасинова. № 1)¹⁵, встречаются только формы *Плесков* — *плесковичи*. В актах XV в., как оригинальных (ГВНП. № 65, 336), так и в дошедших в списках (ГВНП. № 77, 78, 335, 338, 339, 340; Марасинова. № 22, 23, 29, 32), мы встречаем только формы *Псков* — *псковичи*¹⁶. Иностранцы знают только форму *Pleskow*, которую мы встречаем и в Рифмованной хронике¹⁷, и в Хронике Генриха Латвийского¹⁸. Благодаря тому, что носители немецких диалектов вступили в контакт с Псковом в XIII в., именно такая форма закрепилась в языке и сохранилась в современном немецком. Жильбер де Ланнуа в начале XV в. тоже приводит форму *Plesco*¹⁹, что, впрочем, в данном случае может объясняться рецепцией немецкой формы.

Итак, в древнейших источниках, как актовых, так и повествовательных, мы обнаружили употребление только формы *Плесков* — *плесковичи*, формы *Псков* — *псковичи* в сохранившихся источниках не обнаруживаются, по крайней мере до второй половины XIV в. Затем эти новые формы начинают появляться, но они сосуществуют с более древними *Плесков* — *плесковичи*, постепенно вытесняя их. Таким образом, это подводит нас к выводу, что употребление ойконима *Псков* в грамоте ГВНП № 333 выбивается на общем фоне. Конечно, писец XV в., переписывавший грамоту, мог изменить *Плесков* оригинала на *Псков*. Однако по нескольким причинам более предпочтительным представляется другое объяснение. Во-первых, другие грамоты XIV в., дошедшие в списках XV в., сохраняют написание *Плесков* — *плесковичи*, что отражает стремление переписчика передать документ «слово в слово». И, во-вторых, в грамоте ГВНП № 333 содержится еще несколько терминов, выглядящих для начала XIV в. анахронизмами. Таковыми предстают использование по отношению к Пскову сочетания слов «господин Великий Псков» и упоминание «веча».

Сочетание «господин Великий», как целиком, так и каждая его часть по отдельности, употребляются, прежде всего, по отношению к Новгороду. Начиная с XIII в. в источниках наименование *Великий Новгород* чередуется с просто *Новгородом*. Сочетание *Великий Псков* впервые встречается в П1 под 1449 г.²⁰, П2 его не знает. В псковских актах мы находим

¹⁴ Там же. С. 335–339, 341–349, 354, 356.

¹⁵ ГВНП. С. 18, 318; Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. М., 1966. С. 46.

¹⁶ ГВНП. С. 108, 132–135, 321–327; Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. С. 61, 62, 68, 72.

¹⁷ Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar, herausgegeben von Leo Meyer. Paderborn, 1876. Ст. 02099, 02137, 02140.

¹⁸ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. 20-й год еп. Альберта.

¹⁹ Voyages et ambassades de messier Guilbert de Lannoy. Mons, 1840. P. 22.

²⁰ ПЛ. Вып. I. С. 50.

*Великий Псков*²¹ в договоре Новгорода и Пскова с юрьевским епископом 1474 г., *grotte Pleskaw*²² в договоре Пскова с Ливонским орденом 1503 г. Термин «господин» по отношению к Пскову встречается только во второй половине XV в.: в грамоте польскому королю Казимиру (1480 г.)²³, в ободной грамоте (конец XV — начало XVI в.)²⁴. Позднему появлению указанных терминов есть свое объяснение.

Оставляем в стороне давний спор о степени зависимости Пскова от Новгорода в XI—XIV в. Отметим, что, как убедительно показали С. И. Колотилова [Колотилова, с. 145—152] и В. Л. Янин [Янин, с. 3—14], Псков никогда не был новгородским пригородом. Однако дошедшая до нас пергаменная грамота начала XIV в. (Грамота с жалобой на Федора Михайловича и Бориса Константиновича: ГВНП № 8) говорит о том, что в это время политическая зависимость Пскова от Новгорода была велика. В ней упоминается о том, что «князь великий Андрей и весь Новгород дали Федору Михайловицу город стольный Плесков». Предполагать, что в это время существовал *Великий Псков*, зависящий от *Великого Новгорода* настолько, что его можно было кому-либо «дать», было бы странным. Таким же образом Псков не мог быть в это время и *господином*. Территория, подчинявшаяся непосредственно Пскову, в этот период была очень небольшой, как, впрочем, и сам город. Пригородов у него еще не было. Изборск не обнаруживает в это время никаких следов зависимости от Пскова. Большинство других своих будущих пригородов псковичи построили позже [Артемьев, с. 4—7].

В течение XIV—XV в. ситуация изменилась. Псков стал действительно господином волости и пригородов, за которые в XV в. он заключает мир²⁵. С. В. Белецкий на археологическом материале показал, что в середине XV в. наблюдалась тенденция к подчеркиванию «столичных функций» Пскова [Белецкий, 1994а, с. 43—49]. К этому времени перестраивается Троицкий собор, создаются каменные Перси, вечевая степенъ (1424 г.). Тогда же, в середине XV столетия, меняется тип псковской печати — она становится печатью «господарства псковского». Добавим, что речь идет не просто о внешнем оформлении величия города, а о глубинных внутренних процессах институционализации, усложнении всего политического механизма Пскова. В это же время появляется последняя редакция Псковской Судной Грамоты. В этом контексте понятно и появление новой риторики в письменных источниках: выражений «господин великий Псков», «Псковская держава». Растущий город, стремящийся подчеркнуть свое величие и одновременно равенство по отношению к Новгороду, искал новую терминологию. Поэтому происходило заимствование новгородских понятий и формулировок, которое мы, по всей видимости, наблюдаем в случае с «господином великим Псковом», появившимся по аналогии с «господином великим Новгородом».

Кажется, что приведенный выше материал может прояснить и историю с употреблением в псковских источниках понятия «вече». В грамоте ГВНП № 333, если следовать датировке С. Н. Валка и относить ее к XIV в., «вече» выглядит таким же анахронизмом, как и «господин Великий Псков». В остальных псковских актах и летописях вече упоминается только начиная с середины XV в. Так, П1 в первый раз упоминает вече под 1456 г.²⁶, П2 — под 1463 г.²⁷ С середины XV в. вече начинает упоминаться в летописях уже довольно регулярно, всего на протяжении 1456—1510 г., как подсчитал В. А. Аракчеев, 66 раз [Аракчеев, с. 59]. В псковских

²¹ ГВНП. С. 133.

²² Там же. С. 334.

²³ Там же. С. 325.

²⁴ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. С. 72.

²⁵ См., например: ГВНП. С. 336.

²⁶ ПЛ. Вып. I. С. 54.

²⁷ ПЛ. Вып. II. С. 52.

актах «вече» в первый раз упоминается в 1480 г. в грамоте польскому королю Казимиру²⁸. Своеобразная хронологическая оторванность упоминания вече в ГВНП № 333 от прочих уже привлекала внимание исследователей. Как писал В. А. Аракчеев, «парадоксальность феномена вече состоит в трудно совместимом противоречии между теоретическими представлениями и сведениями источников о нем» [Аракчеев, с. 59]. Действительно, если понимать псковское вече как орган власти — собрание псковичей, происходившее из племенных собраний восточных славян [Аракчеев, с. 59], то довольно трудно объяснить, почему оно начинает упоминаться в источниках только с середины XV в. (за исключением грамоты ГВНП № 333 по датировке С. Н. Валка). Если, впрочем, считать вече не исконным органом славянского народоправства, как это делает В. А. Аракчеев, а элементом политической культуры города, институтом именно городского самоуправления [Лукин], то это также не помогает объяснить его появление в псковских источниках только в середине XV в. Новая датировка грамоты вместе с новым объяснением термина «вече» в Пскове может снять указанные выше противоречия.

Начиная со второй половины XV в. термин «вече» устойчиво входит в состав «формул власти», которые мы находим как в интитуляции псковских актов, так и в летописании, в контексте принятия политических решений. Вот пример такой «формулы» из упомянутой выше грамоты польскому королю Казимиру: «Се урядиши князь псковский Василей Васильевич и вси посадники псковские и весь господине Псков на вечи послом ехати...»²⁹. Такие формулы включали в себя изначально в XIV в. только «посадника/ов», «псковичей (весь Псков)» и иногда «соцких» (например, в актах: ГВНП № 332, Марасинова № 1)³⁰. Со временем прослеживается тенденция к их расширению, которое наблюдается как на актовом, так и на летописном материале. В XV в. в их состав включаются «князь», «степенные» и «старые посадники», а также со второй половины столетия — различные категории населения Пскова: «бояре», «купцы», «житьи» и «черные люди» (подробнее о динамике «формул власти» см.: [Вовин, 2013, с. 109–112]). Тогда же в состав формул входит и устойчивая формула «на/в вече». Однако с грамматической точки зрения «вече», в отличие от остальных элементов «формул власти», используется не в качестве подлежащего, действующего лица, а в качестве обстоятельства (места, времени или образа действия). Такую же роль оно играет и в 108-й статье Псковской Судной Грамоты: «А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка волна выписать вонь из грамот». Здесь, как мы видим, «вече» выступает лишь как условие или место доклада посадника(ов) «господину Пскову», которому может быть «нелюба» та или иная «строка» грамоты.

Заметим, что, в отличие от «веча», термины, обозначающие другие институты власти, такие как князь, посадники, соцкие и псковичи, в отношении которых сомнений в их властных полномочиях не возникает, постоянно используются в качестве подлежащего. «Вече» же преимущественно входит в состав конструкций «на вече» или «в вече», то есть обстоятельства времени, места или условия. Исключениями можно считать два случая употребления термина в другом качестве в П1: «поставиша вече»³¹ и «ино бы у вас вечья не было»³². Два этих случая употребления слова «вече» не позволяют нам согласиться с Ю. Гранбергом, предложившим понимать псковское вече, скорее, как название места [Гранберг, с. 100–135]. Вместе с тем убедительно звучат его же слова о том, что вече — «это термин, описывающий политическую

²⁸ ГВНП. С. 325.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 318; Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. С. 46.

³¹ ПЛ. Вып. I. С. 64.

³² Там же. С. 94.

активность псковичей». Таким образом, из практики словоупотребления вытекает, что хотя «вече» — это и не название места, но и не название властного органа в том смысле, как это принято считать в литературе применительно к Новгороду.

Если слово «вече» в псковском словоупотреблении означало не совсем то, что у новгородцев, если его нужно понимать в широком смысле, как некоторую церемонию или процедуру, необходимую для легитимизации важнейших политических решений, то это лучше согласуется с историческим контекстом. В середине XV в. в Пскове наблюдается тенденция к ритуализации власти. Заимствованный из Новгорода термин «вече» стал обозначать церемонию, бывшую необходимым условием принесения князем присяги Пскову. Известно, «как князь целовал на вечи крест ко Пскову», без чего интронизация князя была неполной, как мы видим на примере князя Репни-Оболенского [Вовин, 2013, с. 103–115]. Вече в это время было неизменным условием осуществления важнейших символических актов, связанных с получением или утратой власти. Оно было условием не только начала, но и окончания полномочий псковских князей, в том числе если разрыв происходил по воле самого князя. Так, Александр Чарторыйский «попрощався на вече: яз де вам не князь»³³, а князь Иван Александрович «псковичем оудари челом на вече за все добро псковское и поеха из Пскова»³⁴. Мы можем проследить устойчивую связь с вечем (как ритуалом) не только князя, но и псковского посадника. С середины XV в., помимо обычных, упоминаются также степенные посадники, связь которых с вечевой степенью, известной нам как по письменным, так и по материальным источникам, вряд ли может быть поставлена под сомнение. Коллективный суд псковичей мог осуществляться только «на вече». Так, описывая смерть посадника Гавриила в 1483 г.: «посадника Гавриила оубиша», летописец особо подчеркивает: «а оубиша его всем Псковом на вече»³⁵. Последняя формулировка, вероятно, нужна была для того, чтобы показать законность казни, свершенной «всем Псковом», то есть собранием псковичей, при соблюдении особой процедуры — «на вече».

Нам также известны по летописям доклады посадника псковичам на вече. Формулировки «правиша посольство на вече», «явити Пскову на вече», «биша челом на вече» встречаются множество раз. Такие же формулировки встречаются в описании заключения договоров Пскова с Ливонией. Так, в 1464 г. посадники «целоваше крест на вечи перед Юрьевским послом»³⁶. Затем уже юрьевцы целуют крест перед псковским послом в Юрьеве. Зачем ливонские послы были допущены в Кром, куда, по свидетельству Жильбера де Ланнуа, побывавшего в Пскове в начале XV в., ни один католик не мог войти под страхом смерти?³⁷ Очевидно, что, как и во всех примерах выше, целование креста, как и любое другое действие, произведенное «на вече», обладало в глазах современников особой силой и значимостью. Отметим, что археологически вече локализуется на площади на Персях под сенью Троицкого собора, имевшего особое символическое значение в Пскове — дом Святой Троицы.

Высказанное выше предположение о псковском вече как о термине, обозначавшем особую церемонию или процедуру, а не орган власти, никоим образом не ставит под сомнение существование в предшествующий период (до середины XV в.) городской ассамблеи, скрывающейся за понятиями «весь Псков» или «все псковичи». Однако термин «вече» для ее обозначения не применялся псковичами до середины XV в., когда мы наблюдаем заимствование целого ряда терминов, характерных для новгородской политической культуры. Появление термина

³³ Там же. С. 58.

³⁴ Там же. С. 72.

³⁵ Там же. С. 84.

³⁶ Там же. С. 69.

³⁷ Voyages et ambassades de messier Guilbert de Lannoy. P. 22.

свидетельствует лишь о тенденции к институционализации, характерной не только для собрания псковичей, но и для, например, княжеской власти в Пскове [Вовин, 2013, с. 103–115].

Помимо выражения «на вече» и эпитета «господин Великий» по отношению к Пскову к этому же ряду заимствований новгородской политической лексики с середины XV в., рискнем предположить, относились и «концы», также неизвестные псковским источникам до этого времени. Вряд ли можно признать убедительным объяснение этого факта, данное И. К. Лабутиной: «Впервые такое употребление (понятия «концы». — А. В.) встречается под 1449/1450 г., но оно ни в коей мере не свидетельствует о возникновении кончанской системы именно в это время, а говорит лишь об отсутствии необходимости упоминания концов ранее» [Лабутина, с. 130]. Причем употребляется термин «концы» в источниках, как и «вече», в составе устойчивых формул «по боярину/по два боярина с конца». В отличие от Новгорода, нет никаких оснований видеть в псковских «концах» самоуправляющиеся районы города, элемент административного деления. Скорее, согласившись с выводами А. Е. Мусина, убедительно показавшего на археологическом материале, что Псков в древности не знал кончанской системы и делился только на сотни и приходы [Мусин, с. 53–73], можно предположить, что появление «концов» в источниках позднее середины XV в. было заимствованием новгородской лексики без присущего последней политического содержания.

Итак, кажется, что целый ряд терминов ГВНП № 333 препятствует ее датировке началом XIV в. Как же разрешить противоречие, связанное с упоминанием в грамоте посадника Бориса? Представляется, ответ на этот вопрос найти нетрудно. Борис начала XIV в. — не единственный псковский посадник, известный под таким именем в источниках. В П1, например, в известиях конца XV — начала XVI в., упоминается еще один посадник Борис. Он был одним из руководителей псковского войска в 1498 г., членом посольства к Ивану III в 1500 и 1504 г.³⁸ Учитывая то, что, как было показано выше, некоторые термины языка разбираемой грамоты противоречат датировке, предложенной издателями ГВНП, кажется более вероятным, что упомянутый в грамоте Борис — это посадник конца XV, а не начала XIV в.

Мы не можем быть уверены в том, что летописи донесли до нас имена всех псковских посадников, которых к концу XV в. могло быть не менее 16 одновременно. В Пскове, в отличие от Новгорода, нам неизвестен ни один случай отрешения посадника от должности. Смена посадников происходила естественным путем: становясь посадником, человек оставался им до смерти, передавая титул своим сыновьям. Из 83 известных нам имен посадников 61% принадлежит к определенным семьям, в которых «посадничество» передавалось по наследству на протяжении более чем ста лет. Институт посадничества трансформируется на протяжении XIV–XV в. в наследственный патрициат. Вместе с тем с первой половины XV в. известен и особый «псковский посадник», главный городской магистрат, сменяемый в должности. Таким образом, в первой половине XV в. в Пскове термин «посадник» имел двойное значение: магистрат и представитель патрициата. Появление в XV в. термина «степенной посадник» сняло такую многозначность (подробнее см.: [Вовин, 2012]). Разумеется, не все представители патрициата обязательно упоминались летописцем. Таким образом, нельзя однозначно утверждать, что упомянутый в ГВНП № 333 Борис — это летописный посадник конца XV — начала XVI в. Однако использование в грамоте выражения «господин Великий Псков», упоминание «веча» и, наконец, сама форма «Псков» подводят нас к тому, чтобы отнести грамоту к середине XV — началу XVI в.

³⁸ ПЛ. Вып. I. С. 82, 84, 89.

Литература

- Аракчеев В. А.* Средневековый Псков. Власть, общество и повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004.
- Артемов А. А.* Города Псковской земли. АКД. М., 1987.
- Белецкий С. В.* Средневековый Псков. Опыт периодизации // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 43–49 (Белецкий 1994а).
- Белецкий С. В.* Сфрагистика средневекового Пскова. СПб., 1994. Вып. II. (Белецкий 1994б)
- Валеров А. В.* Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV вв. СПб., 2004.
- Вовин А. А.* Посадничество в Пскове XIV–XV вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2012. Вып. 7 (15) [Электронный ресурс]. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000212-2-1>.
- Вовин А. А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV–XV вв. // НИС. Великий Новгород, 2013. Т. XIII (XXIII). С. 103–114.
- Гранберг Ю.* Вече в древнерусских письменных источниках: функция и терминология. М., 2004.
- Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков. Очерк по истории феодальной республики. М., 1969.
- Колотилова С. И.* К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики // История СССР. 1975. № 2. С. 145–152.
- Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М., 1985.
- Лукин П. В.* Вече: Социальный состав // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 33–147.
- Мусин А. Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. СПб., 2010.
- Насонов А. Н.* О списках псковских летописей // Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. С. III–LXIII.
- Янин В. Л.* «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV вв. // Отечественная история. 1992. № 6. С. 3–14.